

УДК 390
ББК Т 52(25) - 514

*Л. Ц. Малзурова,
С. Д-Н. Малзурова,
г. Улан-Удэ*

Бурятские повествования о тотемах

В статье анализируются особенности современного бытования повествований о тотемах бурят на примере тотемных образов быка и лебедицы. Характеризуются инвариант и вариации этих образов в локальных повествованиях.

Ключевые слова: легенды, предания о тотемах, тотемные предки, жертвоприношение, происхождение племен, родов, культ быка, культ лебедя.

*L. Ts. Malzurova,
S. D-N. Malzurova
Ulan-Ude*

Buryat narrations about totems

The author of the article analyzes the peculiarities of contemporary situation with Buryat narratives about totems on the example of the images of a bull and a swan. The invariants and variations of the given images are characterized in the local narrations.

Key words: legends, legends about totems, totem ancestors, sacrifice, origin of the tribe and the kin, the cult of a bull, the cult of a swan.

Процесс бытования как легенд и преданий, так и любого другого фольклорного жанра, связан с характером отражаемых событий. Чем сложнее жизнь в политическом, социальном, экономическом, идеологическом аспектах, тем больше возможностей для актуализации жанра. Именно в окружающей действительности находятся те рычаги, при помощи которых фольклорный жанр получает дальнейшее развитие.

В связи с возросшим интересом общественности к истории своего народа, к истокам популяризируются древние повествования о происхождении племен, родов, также о тотемах.

Одушевляя природу, поклоняясь зверю, птице, лесам и горам, древний человек связывал свое происхождение с определенным зверем или птицей. Вера в сверхъестественное родство между человеческими группами (родами, племенами) и животным, растительным мирами, иногда природными явлениями и неодушевленными предметами воплощается в тотем. Ценности и нормы древнего общества были заложены в идее мифопоэтической картины мира, когда человек не отделял себя от окружающей среды. Тотем воспринимается в качестве прародителя

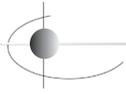
– сотворителя-божества. Этот образ со временем приобретает магический и мифический характер.

Известно, что в качестве тотемных предков у бурят признавались животные, игравшие важную роль в их хозяйственной деятельности на разных этапах общественного развития, например, волк и собака, изюбр, бык (Буха-ноен у племени булагат), рыба налим – у эхиритов, птица лебедь – у племени хори, хонгодоров. Орел считался эжином острова Ольхон. Все они представлялись существами антропоморфными. Каждое из племен, составляющих бурятскую народность, а это: хори, хонгодоры, эхириты, булагаты, имело своего тотема. В процессе слияния родов и племен в единый народ, один из тотемов, например, сильного или многочисленного рода и племени, становится основным, остальные тотемы начинают забываться и отходят на второй план.

В повествованиях о Буха-ноене, шаманках Айсухан и Хусуйхан, о лебедице – праматери хоринских родов, мифологически осмысливается происхождение родов и племен, указываются их тотемы – животные. «Мифологический рассказ о быке-первопредке постепенно перерастает в культ Буха-ноена, который начинает восприниматься в ранге небесного пришельца» [9, с. 167]. Н. О. Шаракшинова пишет: «Вокруг имени прародителя – Буха-нойона создавался целый цикл сказаний и легенд. В течение многих столетий миф о Буха-нойоне видоизменялся. Каждая новая историческая эпоха накладывала свой отпечаток, обогащая его новыми мотивами. В мифе отражаются исторические судьбы всего бурятского народа, процесс объединения бурят в отдельные племенные союзы» [см.: 11].

Наряду с опубликованными мифами, легендами, связанными с тотемами, и поныне бытуют разные варианты этих повествований, что подтверждается творчеством современных знатоков и исполнителей народного творчества: Ш. Д. Байминова, народного поэта Бурятии В. Д. Д. Лыгденова, народного учителя РБ. В их репертуаре такие предания о таких тотемах, как Буха-Ноен бабай, лебедь и др. Мифы о Буха-Ноен бабай, «Заря Азарга» считаются одними из ветвей бурятского эпоса «Гэсэр». В свое время этого мнения придерживались сказители Майсан Алсыев, Базар Дырхеев, Ренчин Жамбалов, Дагба Ошоров.

В 1999 г. нами записан один из вариантов легенды о Буха-Ноен баабай у Ш. Д. Байминова. Легенда рассказывает, что недалеко от села Тагархай в Тункинском районе Республики Бурятия находится первоначальное место расположения Буха-ноёна, откуда он охватывал взором

все окрестности. По интерпретации сказителей, Буха-ноен своим присутствием вселял в людей покой и умиротворение. Однако недолго пришлось ему оставаться в этих местах, по данным легенды, к смене месторасположения его вынудили женщины, по утрам выносившие мусор в его сторону. Ныне Бухын хэбтэшэ находится близ села Далахай [см.: 4].

Характерной особенностью легенды является наличие фантастических элементов, связанных, по нашему мнению, с архаическим мировосприятием человека той далёкой эпохи, когда он одушевлял всю окружающую действительность. В легендах о Буха-ноене органически соединены этическое и религиозное, моральное и социальное. Жители Тунки считают, что Буха-ноен и ныне находится на страже покоя своего народа. Чтобы поклониться своему предку, они отправляются к Саянским горам, поднимаются к его каменному изображению в виде лежащего рогатого быка, совершают там обряд умилоствления тотема. Большой тайлган в честь Буха-ноена проводился ежегодно в середине лета, его просили о личном благополучии, о хорошей погоде, о приплоде скота.

Н. Л. Жуковская писала, что гора в Тункинских гольцах, расположенная примерно в семи километрах от села Торы и в трех километрах от села Далахай, на склоне которой находится белая скала с двумя выступами (в повседневном обиходе её называют Белый камень), осмыслялась местными жителями как два бычьих рога и в мифологии Тункинской долины ассоциировалась с местом постоянного пребывания Буха-Ноена [см.: 6].

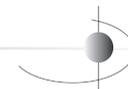
Председатель Ассоциации шаманов Бурятии, с 2000 года Председатель Ассоциации шаманов Центральной Азии, Н. А. Степанова отмечает, что представители старшего поколения сохраняют в памяти сюжеты различных легенд и преданий, связанных с образами духов-хозяев местностей, гор и рек. Например: Буха-ноен бабай был и остается персонажем народных повествований. Подтверждением тому служит то, что возобновились тайлганы (молебны) в его честь. Тайлган в честь Буха-ноена был третьим по счету в серии запланированных Ассоциацией шаманов Бурятии молебнов в честь «13 северных хозяев-нойонов» — персонажей шаманского пантеона прибайкальских бурят. Н. А. Степанова после совершенного ею в Тунке обряда, посвященного божееству Буха-ноену, имела видение быка с золотыми рогами, а после обряда в честь божеества тункинских бурят Шаргай-ноена — видение всадника с копьём в руке [см.: 6].

Существует версия монгольского исследователя Б. Ринчена о том, что Буха-ноен — реальное

историческое лицо. Он был одним из военачальников Чингисхана, участвовавшим в покорении «лесных народов», в том числе, по утверждению ученого, ойратов, бурийатов, баргутов и др. [см.: 8]. Развивая эту версию, Т. М. Михайлов предполагает, что Буха был проводником в войсках сына Чингисхана — Джучи, что он был женат на девушке из императорского рода и потому носил имя Буха-хүргэн (т.е. зять), что после покорения бурят он был очень почитаем и монголами, и бурятами, после смерти его образ слился с тотемным предком бурят Буха-ноен бабай [см.: 7]. Английский антрополог К. Хэмфри рассматривала культ Буха-ноена как составную часть культа быка у народов Центральной Азии и Сибири, в том числе у монголов и бурят.

В мифах многих народов бык как тотемное животное наделялся божественными чертами. У индийцев (индусов), например, быки почитались родоначальниками племени и касты. На отдельных печатках и гербах, символизирующих, по-видимому, высшую родовую власть, относящихся к памятникам древнеиндийской цивилизации и найденных во время археологических раскопок, были изображены фигуры быков и буйволов. Согласно индийской мифологии, бог Вишну так же, как в древнееврейских легендах бог Яхве, часто принимал облик быка. Бык являлся атрибутом ламаистских божеств. Он связывался с образом ассирийской богини плодородия Иштар: в шумерском сказании о Гильгамеше она насылает на героя небесного быка. В странах древнего Востока (Ассирии, Вавилонии, Египте, Финикии и др.) быку, наряду с многими другими животными, поклонялись как божееству. Главными жертвенными животными при Великом заклании в Китае служили бык и буйвол. Культ быка был широко распространен и в Европе.

Буддийский монах из монгольского племени хорчит по имени Галсан Содбо был одним из первых крупных миссионеров и проповедников буддизма в Тункинской долине. С его именем связано строительство Кыренского дацана. Он, пропагандируя буддизм и уничтожая с помощью своих подвижников шаманские священные места, также переименовал Буха-ноена в Ринчен-хана и воздвиг на белом камне дуган в его честь. Обрядовые тексты, сопровождающие ритуальные жертвоприношения Ринчен-хану (Буха-ноену) бывают двух типов — сольчиты (молитвы и жертвоприношения) и сэргэмы (жертвоприношения, совершаемые молочной водкой). Эти ритуалы имеют незначительные отличия друг от друга. В обоих случаях сначала перечисляются все духи, божеества, их дети-хаты, упоминаются разные географические

территории. Обращаясь к божествам, духам, хатам, предлагают принять подносимую жертву и помочь осуществлению помыслов и желаний просителей, совершающих жертвоприношение. При этом упоминаются следующие боже-ства: Мундарга (Саяны), Великое море (Байкал), Иркут, Тунка, Ринчен-Хан, его жена Хариман, девять сыновей и девять дочерей Ринчен-Хана, Шаргай-ноен, «хозяин» горы Улан хабсагай, «хозяева» гор Баян Гухуй, Бургэ, озеро Улан нур.

С. П. Бадаев пишет: «Все племена устраивали кровавые жертвоприношения своим тотемам, считали их покровителями, в опасных случаях призывали их и просили у них защиты. Племя булагат устраивало кровавое жертвоприношение своему тотему — сивому порозу, и призывало его так:

Буха ноен баабай, Отец Буха — начальник,
Будан хатан ииби, Мать Будан — госпожа
Булагад хүни гарбали, Происхождение людей
булагатов
Бурят хүни уда Корень людей бурят

Когда же зхириты устраивали кровавое жертвоприношение своему тотему, то призывали его иначе:

Эрээн гутаар эсэгэмнай, Отец наш — пестрый
налим

Эршин габа эхэмнай... Мать наша — расщелина
на берега» [см.: 3].

В многообразии ритуалов включаются и ритуалы жертвоприношения, обеспечивающие и поддерживающие связь с сакральным. По характеру исполнения они разделяются на два вида: ритуалы, в которых участники или участник приглашают посредников к общению с объектами обращения, и ритуалы, где потенциальным исполнителем выступает каждый человек. Бывают ритуалы, связанные с болезнями, кризисами личности, инициациями, рождением, смертью и т.д. В обрядах воспроизводятся мифотворческие ритуалы, основанные на культовых, тотемных, этнолокальных мифах. Такие культовые мифы, объясняющие происхождение обряда, культового действия, широко используются в шаманизме.

Основным ритуалом повседневной культурной практики бурят являются обращения с молитвами к сакральному миру, которые произносятся в отличие от религиозной молитвы в произвольной форме, но в мифопоэтической коннотации. В нем слово — средство передачи чувства, переживания.

Обряд жертвоприношения в горной Оке, описанный Б. Ц. Гомбоевым, начинается с обращения к духам-хозяевам местностей (гор, вод, озёр и т.д.) и к собственным духам-покровителям хадаша-убгэна:

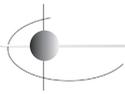
33 Хайрхан! 13 заяшам 33 Хайрхана! 13 духов
Үндэр ехэ нуудалтан, Высокочтимые владыки,
Буурал сагаан толгойтон! Седовласые старцы!

В современный период по сути своей утрачиваются шаманские черты, исполнитель этого обряда себя шаманом не признает, называет себя хадаша, то есть вызывающим духов гор [см.: 5].

У племен бурятского народа: хоринцев и хонгодоров есть общий культ — культ лебедя. У них популярны легенды о происхождении их от небесной девы-лебедицы. Сходные легенды бытуют среди тункинских, аларских, закаменских хонгодоров. Они считают себя потомками небесной девы-лебедицы. В одном из вариантов легенды герой по имени Сэнхэлэ однажды увидел девять девушек-лебедиц. Они прилетели в облике лебедей, сбросили лебяжьи накидки и стали купаться. Сэнхэлэ спрятал одежду одной из них и стал выжидать. После купания все оделись и улетели. Одна из них не смогла найти свой лебяжий наряд и три дня просидела на берегу озера. Не выдержала она и позвала того, кто спрятал ее одежду. Сэнхэлэ вышел, и девушка вынуждена была выйти за него замуж. Родилось у них девять сыновей и девять дочерей. По прошествии многих лет жена попросила мужа показать ее лебяжью одежду. Уверенный, что после стольких лет совместной жизни она не оставит его, Сэнхэлэ достал ее одежду, а сам продолжал хлопотать у очага. Когда жена в облике лебедицы вылетела через дымовое отверстие, Сэнхэлэ успел только схватить ее за ноги, но она вырвалась [см.: 10]. Эта легенда, как и другие варианты легенды «О Хоредой-Мэргэне и его жене» подчеркивает родство двух племен: хори и хонгодор.

А. Л. Ангархаев обращает внимание на единый тотем у хонгодоров, хори и также хонгиратов (монгольское племя) — лебедь-прародитель. Это мнение высказано исследователем в пользу отождествления хонгодоров с хонгиратами.

«Хун шубуун хуриалатай, сэн шубун сэмэлгэтэй...» — так говорится о хонгодорах в шаманских призываниях. Опираясь на примеры в истории, которые свидетельствуют о восхождении самоназвания племени к тотему, А. Ангархаев приводит версию, что «хонгират» и «хонгодор» происходят от «хон» — лебедь. Хон (хун) — имеет значение не только лебедь, оно подчеркивает исключительность, благородство, например: «Хун шубуун» — самая благородная птица» [2, с. 15]. Тождество этнонимов «хонгодор» и «хонгират» выдвинуто Ангархаевым в 1988 г., а в 1992 г. Г. Р. Галданова развила версию об этом же тождестве. Их точку зрения поддер-

живают ученые С. Д. Бабуев, Ш.-Н. Р. Цыденжапов. Если хонгодор и хонгират тождественны, то это объясняет многое: совместное проживание хонгодоров и эхирит-булагатов, общность их шаманских божеств, особенно расположение их ставок (Буха Ноена и Шаргай Ноена) в Тунке – на общепризнанной родине хонгодоров. В пользу тождества этнонимов говорит и общее почитание культа Сивого или Небесного быка. В свое время С.П. Балдаев объяснял происхождение слова «хонгодор» так: «хон» – благородная птица, «годор» – шулята благородной птицы.

Мы придерживаемся версии, что хонгодор – это сложная глагольная основа. Образована она посредством соединения двух первоначально самостоятельных слов: к именной основе хонгоод прибавляется глагольная основа ор: хонгоодор. Возможно, при зазывании лебедей весной, возвращающихся в родные места, осенью при их перелете на юг и был такой клич: «хонгоод, ор».

По представлениям бурят и хакасов, некоторые птицы наделены сверхъестественными свойствами. У Н. А. Алексеева находим: «... нельзя трогать гнезда и брать яйца у журавля, лебеда и турпана. Они якобы обладают даром

проклинать людей» [1, с. 38].

Легенды тотемного характера проливают свет на древний период истории родов и племен, позднее народа, когда поклонение животным, олицетворяющим благополучие, достаток, было для него святым. Бурятские легенды: «Буханоен», «Хун шубун» повествуют о тотемах племен хори, хонгодоры, булагаты. Современное бытование этих повествований связано с почитанием бурятами тотемных культовых мест.

В исторически переломный период для нашей страны происходит смена идеологических постулатов, которая ведет за собой и новое наполнение нравственных ценностей. Молодежь принимает лишь те ценности, которые реально помогут им выжить в атмосфере рыночных отношений.

И в таких условиях мы считаем, что нужно только приветствовать стремление знатоков и рассказчиков к привлечению большей аудитории для передачи истинно народных произведений, выдержавших испытание временем. Именно народные повествования, дошедшие до нас из глубины веков, хранящие святость народных идеалов, способны возбудить в человеке стремление узнать о своем происхождении, чувство сопричастности к своему народу.

Библиографический список

1. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
2. Ангархаев А. Л. Единство из глубины тысячелетий // Буряад үнэн. 1999.
3. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят: В 2 т. / т. 2. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бур.кн.изд-во, 1970. 363 с.
4. Буха-ноен. Записано от Ш. Д. Байминова, 1926 г.р., жителя с Кырен Тункинского района Республики Бурятия, 1999 г. Архив автора работы.
5. Гомбоев Б. Ц. Почитание духов гор у окинских бурят // Этнографическое обозрение. 2002. №2. С.69 – 76.
6. Жуковская Л. М. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977. 199 с.
7. Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времён по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. С. 320.
8. Ринчен Б. Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С.188 – 195.
9. Тулохонов М. И. Генеалогические легенды и предания как источник по этнической истории бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1991. С. 164 – 171.
10. Хун шубуун (Мать-лебедица). Записано от Ш. Д.Байминова, 1926 г.р., жителя с. Кырен Тункинского района Республики Бурятия, 1999 г. Архив автора работы.
11. Шаракшинова Н. О. Мифы бурят. Иркутск: В-Сиб. кн. изд-во, 1980. 166 с.